

Доброжелательный ангел

При чтении книги Аллы Горбуновой «Конец света, моя любовь» довольно быстро возникает ощущение, что эту книгу написал не человек. Нет, не нужно считать меня сумасшедшим, я прекрасно понимаю, что книгу написала вполне реальная Алла Горбунова, тем более что я ее давно знаю лично. Но ощущение нечеловечности, нечеловеческого происхождения этого текста не покидает. И поневоле начинаешь думать: кто бы мог написать эту книгу? Я думал, думал и в какой-то момент понял: этот текст мог бы написать доброжелательный ангел. Да, именно доброжелательный. Как известно, ангелы бывают разными, не только доброжелательными, но и, например, грозными (достаточно вспомнить слова из православного Покаянного канона: «ангели бо грознии по́ймут тя»). А эта книга (вернее, некоторые ее части) словно бы написана доброжелательным ангелом.

Попробую пояснить это сложное ощущение. В книге описываются довольно страшные или очень страшные вещи. Насилие, жизнь городского и пригородного дна, смерть в самом ее неприглядном виде (бывает ли неприглядный? наверное, бывает), беспорядочное употребление разных диких веществ, стремительные нравственные и социальные падения, психические надломы, проблемная до катастрофы юность. Но все эти вещи описываются с какой-то удивительной, беспрецедентной интонацией. Нет, это не о(т)странение, не попытки изобразить равнодушие (этого вообще даже близко нет), не циничное уравнивание всего и вся, не попытки заслониться смехом от ужаса жизни. Это что-то совершенно другое. Я бы назвал это спокойным участливым приятием. Да, было и случилось это и вот это. Да, это ужасно. Да, это не имеет никакого объяснения и оправдания. Да, эти люди не хорошие и не плохие, а скорее все-таки хорошие, каждый как-то по-своему. Да, это вот такой причудливый, страшный и прекрасный мир. И пусть было так, ну что же делать. Так было, и ничего в этом не изменить. Ровный, спокойный, но не безразличный голос, ровно и светло описывающий собственные страдания и страдания любимых людей. Да, так было, так есть и так, наверное, будет. Аминь.

Надо сказать, сочетание вот этой небесно-легкой интонации и описываемых реалий производит совершенно душераздирающее впечатление. Это очень тяжело, и одновременно очень отрадно читать. Здесь очень много такого, от чего, извините за пафос, немного теряешь веру в человечество, и очень много любви — такой,

знаете, спокойной, тихой, ангельской. И совершенно не хочется додумывать и тем более выяснять, были ли все эти обстоятельства в реальной жизни автора, или не были. Может, и были. Или нет. Какая разница.

До дрожи, до мысленных судорог потрясла маленькая зеленая балеринка, танцующая на одной ноге, как личный символ безумия. И еще надо сказать вот о чем. «Он лежал рядом с лотками в отключке, в мокрых от мочи штанах, а я смотрела на него и понимала, что он не похож ни на кого из тех, кого я знала до сих пор... Мальчишки называли Вилли бомжом и смеялись нам вслед, когда он, в обмоченных штанах, и я, вызывающе покрашенная, на каблуках, шли по поселку рука об руку» — обратите внимание на этот фрагмент, в самом начале книги. Я не могу припомнить более пронзительных слов о любви.

Дмитрий Данилов

Конец света, моя любовь

В детстве я больше всего боялась конца света. Вообще боялась перемен. Мне интуитивно казалось, что перемены могут быть преимущественно к худшему, а к лучшему — вряд ли. Меня окружали хорошие объекты, и мне было хорошо среди них. Утром солнце проникало в окна спальни, выходящие на восток, и подсвечивало оранжевые шторы. Это было хорошее солнце и хорошие шторы. Хороший дедушка показывал мне хорошие звезды в вечернем небе, а весной — как распускаются листья, как вы догадываетесь, тоже хорошие. Летом на даче я просыпалась в полной радостного ожидания беззаботности, когда ко мне с неизбывной колодой карт в кармане приходила подруга Надька. Уже тогда было понятно, что лучше никогда не вырастать. «Когда-нибудь ты поймешь, что счастье — это ожидание», — как-то сказал мой отец.

Кто-то из знакомых взрослых сказал, что у детей бывает такой комплекс, который заключается в страхе перемен и желании, чтобы все оставалось как есть.

У меня этот комплекс точно был. А конец света был воплощением самой страшной перемены. Кроме того, были ужасные факты космического характера. Дедушка рассказал мне, что такое энтропия, и я поняла, что хаос неконтролируемо возрастает и Вселенная идет к своей смерти. А в школе нам показали фильм, в котором рассказывалось про грядущую смерть Солнца. Показывали смоделированные кадры, как оно сначала станет огромным и красным, потом части его станут падать на Землю, и она будет гореть огнем, а потом Солнце умрет совсем. После того, как фильм закончился, я для верности подошла к учительнице и спросила: «Любовь Михайловна, а когда Солнце умрет?» Любовь Михайловна, кажется, не знала и спросила у другой учительницы, которая сказала, что еще очень нескоро, через миллионы лет, и мне стало немного спокойнее от этой временной отсрочки.

Была у меня и еще одна временная отсрочка, правда, не такая долгая. Еще в самом раннем детстве я услышала о предсказании Нострадамуса, согласно которому конец света должен наступить в 1999 году от звезды Немезиды, что означает месть, называли точную дату — 11 августа. И я считала годы: в девяностом году я говорила себе: «Это еще не скоро, целых девять лет», в девяносто втором: «Еще целых семь лет», и т.д. Как-то, в очередной раз кем-то напуганная, я спросила у бабушки, что он думает по поводу предсказания Нострадамуса, и он ответил, что все будет, как Господу Богу угодно.

Еще одним вариантом конца света было второе пришествие. В самом раннем детстве я спросила маму, есть

ли Бог, и мама ответила, что нет. Потом прошло еще немного времени, и я снова спросила маму, есть ли Бог, и мама ответила, что да, потому что за это время она уверовала. Во время перестройки появилось много ранее отсутствовавшей на прилавках литературы, мама стала читать разную эзотерику и в результате всего этого чтения пришла к выводу, что Бог все-таки есть. Ну есть — значит, есть. Тогда я тоже уверовала. Однажды мы с мамой гуляли по проспекту, в сторону запада, около районной библиотеки, и садилось солнце, все небо было залито сияющим пунцово-золотым светом, и мама сказала: «Кажется, как будто сейчас, в этих облаках, явится Христос во славе». В общем, все шло к тому, что конец света будет вот-вот. Он назревал буквально со всех сторон.

Летом на даче Санек стал обучать меня и моих подружек магии. У нас с Саньком была любовь. Он сказал, что конец света будет в следующем, двухтысячном году, и будет последняя война. На эту войну мы собирались все вместе: мы с Саньком, Юрик, Надя и Нюта. Позже я узнаю, что русские люди чаяли конец света и последнюю войну не одну сотню лет — в самых разных, диких и стремных сектантских чаяниях. Было это и у нас, детей девяностых. Эта война, на которую мы собирались, почему-то была войной в Афгане, которая на самом деле не кончилась. И одновременно это должна была быть война, знаменующая начало нового мира, в котором Земля сольется с другой планетой, своим магическим двойником, на котором живут драконы, эльфы и гномы. И одновременно это должна была быть последняя битва Армагеддона. Все мы готовились уйти

на эту войну по-настоящему и умереть на ней, Саня уже заказал для нашей группы специальную милитари-форму. Саня вообще очень хотел в армию, но его не взяли, потому что он стал рассказывать комиссии про свои занятия магией, ему не поверили и сказали «сделай что-нибудь», он сделал, что у одной из женщин в комиссии заболела голова, но ему все равно не поверили и поставили диагноз «шизофрения». Бабушка с дедушкой не знали, что я уйду на войну и умру, я не могла им про это сказать, но мне было их очень жаль, и было жаль все хорошие, родные и любимые вещи. Я стала смотреть на них как на уже навеки утраченные: вот он, мой хороший умывальник, мои хорошие кусты спиреи, мой хороший дедушка, который смотрит телевизор, и мой хороший кот, который вышел поваляться на солнце. Каждый прожитый день стал для меня последним днем дома перед войной.

Мне было тринадцать, и это было хорошее лето. Мы с Саней гуляли в лесу и один раз случайно сели на муравейник, катались на его стареньком мотоцикле, и я сожгла платформы своих ботинок, поставив ноги на трубы, сидели вечером в корнях огромного древнего дуба и пили вино «Черный монах», Саня приезжал ко мне после работы (летом он работал в поселке водопроводчиком), и прятался у меня за печкой от разыскивавших его приятелей Гапона и Мастера, про которых ходила шутка, что они перепили тормозной жидкости, и, ревнуя меня, ездил со мной в гости к долговязому Андрею. Это было прекрасное лето в ожидании войны и конца света.